

СОВРЕМЕННАЯ РУССКОЯЗЫЧНАЯ ПОЭЗИЯ БЕЛАРУСИ: ЖАНРОВО-СТИЛЕВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

В осмыслении процесса развития современной русскоязычной поэзии Беларуси важную роль играет изучение не только истории формирования различных течений и групп, характерных черт лирики, творческих методов различных поэтов, но и эволюции поэтических жанров и стилей. Обилие и разнообразие художественных тенденций, усиление взаимодействия между элементами жанровой системы, попытки обрести свой индивидуальный поэтический голос — таковы особенности современной поэзии вообще и русскоязычной поэзии Беларуси в частности.

В настоящее время вопрос о жанровой природе какого-либо произведения вызывает многочисленные дискуссии, поскольку строгой классификации нет. Сегодня и в русском, и в белорусском литературоведении выделение в поэзии жанров, видов и жанровых разновидностей достаточно условно. Например, Б. В. Томашевский считает, что «в настоящее время не существует строгих разделений между разными родами стихотворений» [14, с. 153], и выделяет основные классические лирические роды — *ода, элегия, мелкие стихотворения (надписи, антологические стихотворения, альбомные стихи, посвящения и т. п.), послание, сатира*; а также среди эпических (повествовательных) жанров — песенные формы (*песнь, поэма*) и малые формы стихотворного повествования (*басня, баллада*). В. П. Рагойша также считает разделение лирики на жанры и виды достаточно условным и среди лирических произведений выделяет философско-медитативные стихотворения (*медитация, послание, стансы, ямбы, философское стихотворение, элегия*), хвалебные (*ода, дифирамб, панегирик, аполог, мадригал, гимн, эпитафия, эпиталама*), песенные (*романс, песня, серенада, марш, псалом, кантата, альба, баркарола, канцона*), сатирически-изобличительные (*эпиграмма, пародия, сатира*), а также некоторые фольклорные произведения [10, с. 299]. В действительности многие из этих жанров исчезли или крайне редко встречаются в современной лирике.

В целом, современная поэзия Беларуси представляет собой пеструю картину: это поэты разного возраста и, соответственно, мироощущения; пишущие на белорусском или русском языках, или на обоих сразу. Это поэты, которые издали уже не один сборник, и те, чьи стихи можно прочесть только в сетевых журналах или представленные единственным стихотворением в антологиях и альманахах. На сегодняшний день не существует и библиографического справочника современных поэтов, что вносит дополнительные трудности при составлении полной поэтической картины Беларуси. Современная русскоязычная поэзия Беларуси развивается в русле двух поэтических традиций — белорусской и российской.

Предметом нашего рассмотрения стали тексты современных русскоязычных поэтов Беларуси, размещенные, главным образом, в антологиях «Современная русская поэзия Беларуси» (сост. А. Аврутин, 2003) [12] и «Освобожденный Улисс. Современная русская поэзия за пределами России» (сост. Д. Кузьмин, 2004) [9], а также стихотворения, опубликованные в журнале «Немига литературная».

Антология А. Аврутина представляет собой первую в отечественной литературе попытку максимально широко представить творчество современных русскоязычных поэтов Беларуси за два предшествующих

десятилетия. В книгу включены стихи 222 «наиболее ярко (по мнению составителя антологии — *О. Л.*) зарекомендовавших себя авторов».

Во второй антологии современную (после 1991 г.) русскоязычную поэзию Беларуси представляют лишь девять поэтов: Светлана Бень, Вениамин Блаженный, Дмитрий Дмитриев, Елена Казанцева, Марина Куновская, Константин Михеев, Дина Сенникова, Дмитрий Строцев, Виталий Суриков. Правда, Д. Кузьмин показал каждого автора набором текстов (5–10 произведений, а Вениамин Блаженный даже 29), «не слишком для него характерных, но зато ярких и неожиданных, или в каком-то важном и интересном ракурсе трактующих саму тему диаспоры и поэта в ней» [9, с. 11—12]. Также в антологии содержатся краткие сведения об авторах, их публикациях, поэтических сборниках.

Жанровое разнообразие в творчестве того или иного поэта чаще всего зависит от желания поэкспериментировать в сфере различных жанровых форм, а также от личных авторских пристрастий к какому-либо жанру. Существенным моментом является и тот факт, что иногда жанровые определения, данные автором, отличаются от реально существующих в литературоведении понятий. Но полностью стереть жанровые границы, как оказалось, невозможно.

Большинство стихотворений современные русскоязычные поэты Беларуси создают, если следовать классификации В. П. Рагойши (см. [10, с. 299]), в традиционном, можно сказать, классическом для белорусской литературы русле философско-медитативной лирики. Это философская поэзия, суть которой составляют размышления поэтов о жизни и смерти («Мы пришли и уйдем...», «Все умирает — тело и сосна...». А. Аврутина, «Каддиш Алену Гинзбергу», «Январские стансы» К. Михеева, «Отец мне смастерил не саночки, а гроб...» В. Блаженного, «По тонкому, тонкому льду...» А. Душечкина-Климова, «Мне все, чем дорожил я, надоело...» А. Сарапкина и др.), о любви («Предает любимый...» А. Аврутина, «Я тебя люблю по-настоящему» Е. Казанцевой, «Я мерзну без тебя...» О. Журавской, «Души окурков...» О. Переверзевой, «Пока еще горит судьбы свеча...» В. Поликаниной), о природе и человеке («Если нет на земле небожителю места...» В. Блаженного, «Genius Loci» М. Куновской, «Ночная тишина» Ю. Сапожкова, «Белый вечер...» Л. Яценко, «Нет ничего... Только лунные дужки...» А. Аврутина и др.).

Для стихотворений, относящихся к медитативной лирике, характерна поэтизация душевной сосредоточенности, размышления над загадочностью человеческой души. Они строятся как «непосредственные созерцания, индивидуализированные «умозрения», направленные к постижению сокровенных закономерностей бытия» [7, с. 520]. Большинство стихот-

ворений современных русскоязычных поэтов, которые можно отнести к этой жанрово-тематической разновидности, написаны в характерных для нее жанрах *элегии, оды, послания*, хотя в XX в. они теряют жанровую отчетливость и термины выходят из употребления, оставаясь лишь знаком традиции. Но термин *элегия* часто употребляется как заглавие циклов и отдельных стихотворений некоторых поэтов [7, с. 1228], а элегическое начало характерно для многих стихотворений таких современных поэтов, как А. Сарапкин, А. Аврутин, В. Поликанина и др. Живучесть этого жанра в современной поэзии Беларуси неувидительна, поскольку «элегия» в переводе с греческого означает «жалобная песня», а истоки белорусской литературной элегии — в народной песне, для которой также характерны грусть, тоска, «меланхолия из-за общественной несправедливости, семейного несчастья или личного горя» [10, с. 382].

Основные черты элегии — интимность, сентиментальность, мотивы разочарования, несчастливой любви, одиночества, бренности земного бытия — присущи стихотворениям Е. Агиной («Ох, какая тоска здесь бывает...», «Путь»), К. Михеева («Осень в провинции», цикл стихотворений «Паралипоменон»), А. Сарапкина («Мне все, чем дорожил я, надоело...», «Гораздо больше близких там, чем здесь...»), А. Аврутина («В двадцатом столетии...», «Что истинно?.. Бездомные глаза...», «Когда, поняв, что чувства первопуток...», «Мы пришли и уйдем...», «Дух сомнения...» и др.). Например, в стихотворении А. Аврутина звучат есенинские мотивы бренности человеческого существования:

... Но все проходит. Счастье и печаль
Вдаль уплывают белой стружкой дыма.
Лишь одного воистину мне жаль —
Что мчат года и все проходит мимо [1, с. 154].

Однако в современной поэзии к традиционным элегическим темам добавляются размышления о неотвратимости зла, черствости людских душ, о тяготах бытовой неустроенности и суровой повседневности, а также о духовном кризисе человека в переходную эпоху рубежа веков (и даже тысячелетий). В этой ситуации многие поэты делятся своими размышлениями и сомнениями чаще всего с собратьями по перу, продолжая таким образом традицию идущего от Горация жанра *послания*.

Художественный жанр предполагает повышенную степень языковой рефлексии, и то, что воспринималось как раз и навсегда данное подвергается сомнению, перестраивается и неизмеримо усложняется. *Послание* — один из поэтических жанров, наиболее непосредственно и явно обнаруживающих свою речевую установку. Его характер зависит от отношений автора и адресата, которое предполагается заданным. Являясь «стихотворным письмом» [7, с. 763], или, по определению В. П. Рагой-

ши, «эпистолярно-публицистическим стихотворением, написанным в форме обращения к какой-то реально существующей личности» [10, с. 351], послание становится удобной формой для размышлений автора о социально-политических, исторических или литературоведческих проблемах. К посланию близок жанр *посвящения* — указание лица, которому предназначается или в честь которого написано данное произведение. Многие посвящения приобретают интимный характер, становятся выражением искренней дружбы и привязанности. В современной русскоязычной поэзии эти жанры животворны: «Сомолчалник, сопечальник...», «Автодоровский переулочок», «И однажды услышится шепот травы...», «Мятежный Блок, тревожный Мандельштам...» А. Аврутина, «Когда б не ты» Т. Красновой-Гусаченко, «Я пишу тебе письма на родину...» Т. Лейко, «С мутного глянца фото...» А. Лисицына, «Александр Сергеевич Пушкин...», «Осеннею веткой раскинулись рельсы...» И. Поглазова, «Ничего бы не случилось с нами...» Е. Полеев, «Путник» Э. Прибыльской, «Наталье Гончаровой», «Тадж-Махал» Ю. Сапожкова, «Я как огонь вошел...», «Давай собирать слова и строить дом...», «Давай себя развеселим...» Д. Строцева, «Посвящение переводчику» А. Скоринкина), посвящения А. Аврутину («По тонкому, тонкому льду...» А. Душечкина-Климова, «Я больше не могу молчать...» А. Павловской, «Не так уж много для счастья нужно...» В. Поликаниной. В послании поэт может обращаться не только к человеку, но и к какому-либо месту, городу, предмету («Санкт-Петербургу» А. Аврутин, «Беловежской пуще» Л. Лукша, «Осени меня, осень...» Н. Кислик).

Но чаще всего адресатом послания становится Бог, который является для поэтов не неким судящим и карающим небожителем, а близким родственником, старшим наставником, мудрым, понимающим, оберегающим и сочувствующим. Может быть, поэтому так хочется спрятаться за Бога, довериться тому, кто должен все знать, инстинктивно найти попутчика, с которым не так страшно идти, потому что одиночество — непосильная ноша. Послание, обращенное к Богу, традиционно называется *молитва*, и мы можем говорить о живучести этого жанра в современной русскоязычной поэзии Беларуси. Лирическая героиня «Молитвы» Н. Орловой молится «за дорогих своих детей», Т. Лебедевой — просит у Бога: «не дай совесть потерять», «не дай казаться, но не быть», а также прощения за всех и за все:

Прости Господь
Всех и за все, прости,
Открой Господь
Всем ищущим пути [6, с. 105].

Смысловая наполненность при малом формально выраженном словаре часто ведет к повышенной образности, символичности. Главное для этого жанра не сказанное, а почувствованное. Отсюда, видимо, и обилие многозначий — это любимый знак препинания у Г. Тисецкого и у К. Кобальт, передающий эмоциональную насыщенность размышлений поэтов.

Менее эмоциональны, но не менее философичны современные русскоязычные поэты в таком уже традиционном для белорусской литературы жанре, как сонет. Например, «Сонет» А. Бородача написан на тему любви, имеет форму английского сонета (4+4+4+2) и развивается по традиционной схеме: тезис («исход борьбы был predetermined» в любовном треугольнике «я», «ты», «он») — развитие мысли («я рядом был, он прибыл издалека») — кульминация («ушла любовь на тряпки и посулы») — синтез («А не случись подобная измена / И не пришла б Прекрасная Елена») [12, с. 36]. Здесь уже чувствуется дыхание современности — тотальная ирония проникает даже в классические твердые формы стиха. В таком же ключе написан и «Сонет» Т. Лебедевой (на мечтательный лад лирического героя наводит уныло капающая вода из крана) [6, с. 104].

Более традиционны поэты при создании венков сонетов. Как известно, венок сонетов состоит из пятнадцати связанных сонетов, последний 15-й — магистральный, т. е. основной: каждая его строка представляет собой первую строку всех предшествующих ему 14-ти сонетов. Именно такую форму имеют венки сонетов А. Тереховой «Джоконда в Копенгагене», «Коромысельщик» и «Мёбиусный венок сонетов», состоящий из лицевого и оборотного магистрала, «Уроборок» Г. Арханова. Глеб Арханов, используя классическую форму сонета, все же достаточно авангарден и в рифмах, и в философской насыщенности (можно даже сказать сгущенности) своих стихотворений. Другие твердые формы стиха в современной русскоязычной поэзии встречаются редко.

Также немногочисленны (по сравнению с традиционными жанрами) экспериментальные стихотворения — оригинальные стихи, для которых характерны нетрадиционные способы рифмовки, построения строф и т. п. Пример терцета мы находим в поэзии Дмитрия Строчева:

тихой глиной накормлю
потому что сам люблю
солнце-бубен
слышу-слышу, под травой
бьется сердце головой
в пепел голубой
поскорее выходи
пахнет хлебом из груди
косточка поет [13].

Пример тавтограммы — у А. Аврутина:

Прозрачный призрак принес прозренье,
Под простынею письмо пронес.
Падет позорное подозренье —
Письмо положено под поднос [1, с. 169].

В современной поэзии также редко встречается акrostих, каких-либо серьезных и значимых произведений в этом жанре создано не было. Несмотря на то, что акrostих воспринимается как литературное трюкачество и игра, он всегда притягивает к себе поэтов, не равнодушных к экспериментам, — своей визуальностью и изощренной техникой письма, как, например, В. Макутя в акrostихе «Иначе никак», где первые буквы всех строк образуют название стихотворения.

В стиховедении сложился достаточно четкий историко-типологический подход к свободному стиху (верлибру), опирающийся, главным образом, на труды Ю. Тынянова. Это тип стихосложения, для которого характерен последовательный отказ от всех «вторичных признаков» стиховой речи: рифмы, слогового метра, изотонии, изосиллабизма и регулярной строфики. «Время верлибра» наступает в 1980—1990-е, когда стихи без рифмы и метра «вдруг» появляются во всех газетах и журналах, авторских сборниках и альманахах. В современной поэзии чувство вытесняется разумом, душа — интеллектом. Поэтому в ней, как никогда раньше, широко распространен верлибр (в переводе с французского — «свободный стих») — стих без ярко выраженного ритма, гораздо больше подходящий для передачи философских размышлений, а не ярких чувств и душевных порывов.

Вариации свободного стиха представлены в современной русской поэзии Беларуси верлибрами Д. Строцева, Г. Бартоша, З. Атаоллахи, Л. Динерштейна, Т. Скаринкиной и др. Как подмечают многие поэты, обратившиеся к этому типу стихосложения, для верлибра нужен безукоризненный слух и талант. Может быть, поэтому верлибры, например Д. Строцева, звучат как вдох и выдох, полны намеков, оттенков и музыкальности:

губы выпили небо, и на вдох еще неба осталось
на медленный, полный вины и надежды
еще ты нас любишь
еще не уйдешь — на пороге заплачешь, на выдохе
обнимешь узкие плечи
высокое небо наполнишь свободой и хвоей... [13].

Современный поэт часто ощущает себя потерянным во времени и в жизни, пытается найти свое «я». Поэтому свободный от жесткой формообразующей схемы, верлибр позволяет точно выразить событие души,

состоявшееся сейчас. Верлибр для поэта — инструмент и возможность стиховой импровизации. Стихотворения без рифмы, метра и других традиционных механизмов урегулирования речевой структуры находим у З. Атаоллахи:

Над рекой воспоминаний в поиске себя,
разгоняя облака сомнений
и
уставший от прихода и ухода дней,
верю в остановку времени.

Или:

Шторы жизни
беременны ветром страдания.
«Где до утра моя душа?» —
За стеклянными дверями иллюзии»... [12, с. 20—21].

За счет отстраненности от поэтического «я» происходит разрушение стихотворной формы, например, в стихотворении Г. Бартоша «Варианты»:

Отворите мне дверь...
О, я вам расскажу
все, что видел и знаю
все, что пережил в этих дорогах
о чем мне стучит по ночам
неспокойное сердце.
Отворите мне суть
я ведь только рисуюсь
притворяюсь, что знаю ее досконально
а на деле — всего лишь на подступах к ней... [2].

Поэт пытается найти себя, представляя нам различные варианты своего «я» в сборнике «Семь верлибров» [2]. Потеря себя вызывает, как следствие, разрушение формы стиха, что, в свою очередь, приводит к такому типу стихосложения, для которого характерен последовательный отказ от многих признаков стиховой речи, т. е. свободному стиху.

Верлибры Л. Динерштейна («Ирландия далеко...») и Т. Скарынкиной («рыба мама») — это поэзия внезапных и сложных ассоциаций, иногда срабатывающих, а иногда теряющих смысловую опору. И тогда на помощь приходят такие элементы текста, как структурно-синтаксические и фонетические сцепления. В стихах становится убедительной сама интонация, чистая экспрессия, они не распадаются на отдельные синтагмы, а представляют собой непрерывный поток «цепляющихся» друг за друга фраз.

Нестандартное мышление приводит современных поэтов к созданию авторских жанровых модификаций, каковыми являются, например, «P.S. словицы» Дмитрия Дмитриева: «Прозябание собой / Называют Судьбой», «Семь шкур спусти, / Один раз прости», «Встречают без

одежки / Провожают по еловой дорожке» [3, с. 66—69]; или «Миниатюры» С. Жуковского («...правду в глаза говоря, / право, / стараешься зря, / ибо глазам все равно / слышать тебя / не дано...»[4]), для которых характерна скрытая или явная ирония.

Современные русскоязычные поэты Беларуси, используя традиционные жанровые формы, наполняют их новым содержанием, иногда преобразуют формально. Для молодых поэтов характерны поиски самоидентификации в пространстве уже «после постмодернизма» (А. Занковец, Д. Лещко, М. Куновская, Д. Дмитриев и др.). Их эксперименты в области стихотворчества, а также многочисленные вариации свободного стиха, позволяют дополнить жанровую картину современной русскоязычной поэзии Беларуси. Эксперимент, разработка различных маргинальных систем стихосложения приносят яркие и интересные результаты. Для современного поэтического процесса Беларуси существенны поиски нового художественного синтеза, обращенные, главным образом, к традиции авангарда и отчасти возрождающей ее экспериментальной поэзии. Но все же основные линии поисков идут в сфере традиционной философско-медитативной лирики, для которой характерна поэтизация душевной сосредоточенности, размышления над загадочностью человеческой души, мысли о неотвратимости зла, черствости людских душ, о тяготах бытовой неустроенности и суровой повседневности, а также о духовном кризисе человека в переходную эпоху рубежа веков, поэтому самыми популярными жанрами остаются элегия, послание, молитва, сонет.

Литература

1. *Аврутин, А. Ю.* Наедине с молчанием: книга поэзии / А. Ю. Аврутин. Мн., 2007.
2. *Бартош, Г.* Семь верлибров / Г. Бартош. Точка. Зрения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lito.ru/sbornik/2831>. Дата доступа: 19. 03.2007.
3. *Дмитриев, Д.* Полное собрание сочинений / Д. Дмитриев. М., 2002.
4. *Жуковский, С. С.* Миниатюры / С. С. Жуковский. Издательская система Литсовет. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=85332. Дата доступа: 05.08.2008.
5. *Кобальт, К.* Стихотворения в прозе / К. Кобальт // Немига литературная. 2004. № 6. С. 101—102.
6. *Лебедева, Т.* Стихи / Т. Лебедева // Немига литературная. 2004. № 2. С. 104—105.
7. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М., 2003.
8. *Орлицкий, Ю.Б.* Большие претензии малого жанра // НЛЮ. 1999. № 38. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/38/orlic.html>. Дата доступа: 27.01.2009.
9. Освобожденный Улисс. Современная русская поэзия за пределами России / сост. Д. Кузьмин. М., 2004.

10. *Рагойша, В. П.* Пазычны слоўнік / В. П. Рагойша. 2-е выд., дапрац. і дапоўн. Мн., 1987.
11. *Скоринкин, А.* При тайной мысли о тебе / А. Скоринкин // Немига литературная. 2005. № 5—6.
12. Современная русская поэзия Беларуси: антология / сост. А. Ю. Аврутин. Мн., 2003.
13. *Строцев, Д.* Виноград (стихи) / Д. Строцев. Мн., 1997.
14. *Томашевский, Б. В.* Краткий курс поэтики / Б. В. Томашевский. 3-е изд. М., 2006.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова